

МИРАЖИ И МАЯКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИДЕОЛОГИИ

Беседа вторая

Медленно разворачивается в океанских водах огромный крейсер – плавучая крепость. Нельзя всё время идти по одной прямой. Способность маневрировать необходима каждому человеку, она присуща и любому народу. И сейчас все мы находимся на судне, которое продолжает свой затяжной разворот. И почему-то мы верим, что этот крейсер найдёт свой курс – и пожары, и течи способны его потревожить, но неспособны потопить...

1

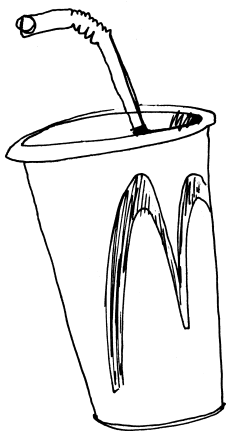

Арсений
Замостьянов

Очень хочется верить, что для России наступают времена второго тома «Мёртвых душ». У нас не много оснований для исторического оптимизма, но, если приглядеться, именно жизнеутверждающие явления окажутся определяющими, корневыми. Мы начали этот разговор как путешествие в пространства идеологии, о поступательном движении истории, чтобы предостеречь друг друга о возможных ошибках. Чтобы не принять фальшивый свет миража за огонь маяка. Но не менее опасно и обратное заблуждение — заблуждение пессимиста, который видит подвох и там, где нужно почувствовать твёрдую землю под ногами. Панические настроения так же контрпродуктивны (помнится, это словечко ввёл в активный обиход Е.М. Примаков), как и безответственная эйфория. Должен ли педагог из терапевтических соображений оттенять драматизм нашего существования жизнеутверждающим направлением мыслей? Думается, именно в этом случае в дело должен вступать *внутренний цензор* — персонаж, без которого не обойтись в профессиях, связанных с влиянием на людей. В прежние времена внутреннего цензора замещал цензор обыкновенный — и его практика, нередко неуклюжая, приносила порой позитивные результаты. Поучительно вспомнить ситуацию с последней серией популярного телесериала «Место встречи изменить нельзя» (1979 г., Одесская киностудия, по заказу Гостелерадио СССР). В романе и сценарии братьев Вайнеров финал истории был изрядно пессимистичным. Молодой герой — офицер уголовного розыска Шаратов — терял не только фронтового товарища, но и нелепо погибшую любимую девушку. Как известно, недосол на столе, а пересол — по спине... В финале, переделанном под влиянием цензуры, Шаратов улыбался телезрителям вместе с невредимой девушкой и взятым ими из детского дома ребёнком... По воспоминаниям авторов фильма, руководство прокомментировало свои пожелания следующим образом: «Как же так, целую неделю советский народ будет следить за этими героями, полюбит их, а вы их — в могилу... С каким же настроением после такого фильма люди утром пойдут на работу!»

Патриотизм стал в кругах публичных людей разменной монетой. Виною этому — демократические выборы, проходящие в конкурентной борьбе обещаний и кошельков. Патриотизм стал самой «модельной» овечьей шкурой, в которую маскируются «звери мира сего». Притвориться патриотом несложно: для этого потребуются громкий голос, крепкий кулак, могучая печень...

Хорошо известно критическое отношение Льва Николаевича Толстого к патриотизму. Великий ум прошёл в своём отношении к Родине и гражданскому долгу сложную эволюцию, отразившуюся и в «Севастопольских рассказах», и в «Войне и мире», и в публицистике 1890–1900-х годов. Обычно в качестве иллюстрации к толстовскому антипат-

риотизму нам предлагается афоризм о «последнем прибежище негодяя». Однако это выражение, восходящее к английской традиции, как раз нельзя назвать критическим по отношению к патриотизму. Здесь осуждается *негодяй*, прикрывающий свои грехи псевдопатриотизмом. У Льва Толстого встречаются гораздо более содержательные и принципиальные нападки на патриотический миф. В 1896 году Лев Николаевич написал послание «Патриотизм или мир», обращённое к «милостивому государю» императору всероссийскому, да и ко всей читающей России.

Толстой прозорливо выстраивает систему противопоставлений частных и государственных интересов. В XX веке именно на этом поле состоятся самые кровавые сражения... Обратимся к тексту послания: «Страшен эгоизм частных людей, но эгоисты частной жизни не вооружены, не считают хорошим ни готовить, ни употребить оружие против своих соперников; эгоизм частных людей находится под контролем и государственной власти, и общественного мнения. Частного человека, который с оружием в руках отнимет у соседа корову или десятину посева, сейчас же возьмут полицейские и посадят в тюрьму. Кроме того, такого человека осудит общественное мнение, его назовут вором и грабителем. Совсем иное с государствами: все они вооружены, власти над ними нет никакой, кроме комических попыток поймать птицу, посыпав ей соли на хвост, попыток учреждения международных конгрессов, которые, очевидно, никогда не будут приняты могущественными (для того-то и вооружёнными, чтобы не слушаться никого) государствами, и главное то, что общественное мнение, которое карает всякое насилие частного человека, восхваляет, возводит в добродетель патриотизма всякое присвоение чужого для увеличения могущества своего отечества».

Толстой угадал болезненность будущих столкновений частных и личных интересов. Грустно, что великий писатель утратил веру в созидательную силу государственности.

На примере близкой нам истории восьмидесятых — девяностых годов мы убедились, как непросто завоевывается авторитет государства не только на международной арене, но и в собственном обществе. В двадцатые и тридцатые годы перед молодым советским государством стояли аналогичные задачи. И, несмотря на болезненный (хотя и не абсолютный) разрыв с многовековой традицией, советская государственность успешно прошла проверку на народное доверие, вошла в фольклор, была признана *своей*.

Нынешней России суждено пройти подобной дорогой. Есенин сказал о двух влюблённых, а мы повторяем на все лады: «Большое видится на расстоянии». Вот и переломное десятилетие (1988–1998) нам нередко кажется временем хаоса. Мы не умеем увидеть внутреннюю логику истории, разглядеть и осмыслить сознательные или спонтанные попытки общества придать культуре черты системности. К чести историка Андрея Леонидовича Зорина, ему удалось рассмотреть тайный смысл событий, затерявшихся в потоке новостей дня того драматического десятилетия. Исследование А. Зорина «Кормя двуглавого орла...» посвящено истории XVIII века, но, на мой взгляд, интуиция учёного принесла особенно зрелые плоды именно в отступлениях о 1990-х годах...

Вот — 1991 год, событие, оставшееся в истории под клеймом «августовский путч»: «На стороне Кремля были те же атрибуты власти, которые он демонстрировал миру в течение всей советской эпохи. Во-первых, танки, бессмысленные для решения задач, которые ставили перед собой путчисты, но десятилетиями успешно репрезентировавшие державную мощь. Во-вторых, канонизированная русская классика — помимо краткого информационного сообщения и пары невнятных указов, ГКЧП сообщило стране о своём приходе к власти трансляцией по всем каналам «Лебединого озера»¹.

Зорин и далее описывает события нашего революционного десятилетия как противоборство культурных систем — ра-

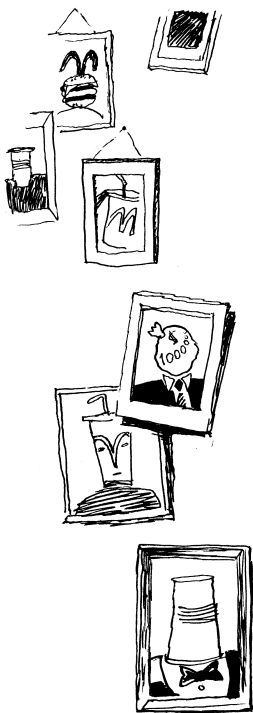
 1

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 21.

2

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 24–25.

зумеется, осознавая, что такая концепция не исчерпывает исторического смысла событий. Но всё-таки — как она выразительна! Вот мы подбираемся к событиям трагической осени 1993 года. И видим, что Б.Н. Ельцин совершает попытку «привлечь на свою сторону» инерционную силу культурной традиции. Несчастный Пётр Ильич Чайковский снова принимает участие в бевых действиях. Парламент уже в осаде. По улицам Москвы сквозит ветер гражданской войны. Борис Зорин замечает существовавшее, но, увы, позабытое событие: «В то же время перебравшийся в Кремль президент экспроприировал у своих предшественников Чайковского, как отчасти и танки, сохранив в то же время метафору «вхождения в цивилизованный мир». 26 сентября Вашингтонский оркестр под руководством Ростроповича исполнил на Красной площади увертюру «1812 год»... На самой главной русской площади американский оркестр во главе со всемирно знаменитым музыкантом, изгнанным из России советским режимом, играл классическую русскую музыку. Новая власть пыталась через голову коммунистических временщиков представить себя наследницей вековых традиций российской государственности».

Оставим «коммунистических временщиков» на совести автора, имеющего право на личный антисоветизм, и добавим, что тот концерт на Красной площади действительно символизировал многое. Кульминацией увертюры «1812 год», как известно, является мелодия «Боже, царя храни». Как и в России начала XX века, в ельцинской России экономический либерализм сочетался с поляризацией доходов и державно-националистический гарниром, придававшим во многом марионеточной власти финитовый блеск латиноамериканских мундиров... Нужно учесть и роль М.Л. Ростроповича — знаковой фигуры, великого музыканта, связавшего свою судьбу с судьбой новой России. Все эти идеологические фрагменты свидетельствуют о том, что из тумана начала девяностых могла вырасти жизнеспособная культурная система, альтернативная советской системе. И в то же

время такая система не состоялась — тому было немало социальных и культурных причин.

Следующим значимым этапом становления несостоявшейся новой российской государственности А.Л. Зорин считает праздник 850-летия Москвы, проведённый с невиданным прежде размахом. Исследователь пишет: «В полной мере метафорика примирения была реализована в рамках ... идеологической модели, наиболее зримым и наглядным выражением которой стали торжества, устроенные 5–7 сентября 1997 года по случаю 850-летия Москвы <...> В сценарии московского юбилея трагическая история России неожиданно предстала как бесконечная и бесконфликтная череда золотых веков. Московский мэром явился на праздник в костюме древнерусского князя. Портрет доброго царя Ивана Грозного был спроецирован на стену МГУ в лазерном шоу французского композитора Жарра». И — вывод: «Новая весть, объявленная московским праздником, состояла в том, что Россия вступила в общество потребления, и это национальное, державное, православное общество потребления, освящённое историей страны и её религией. В дни торжеств у многих наблюдателей, включая автора этих строк, складывалось впечатление, что заветная идея, призванная объединить нацию, наконец найдена. Будущая Россия виделась тогда страной нефеодалного консьюмеризма, управляемой союзом удельных князей во главе с московским князем, играющим роль первого среди равных. Однако уже осенью 1999 года и эта идеологическая модель, и её творцы потерпели сокрушительное поражение. Августовский кризис 1998 года, войны на Балканах и на Кавказе вновь востребовали метафоры сильной руки, территориальной целостности и властной вертикали»². Думается, дело ещё и в иллюзорности, фиктивности благополучия и согласия, которыми был напитан праздник 1997 года. Не случайно одним из самых расхожих комментариев к тому празднику было: «Пир во время чумы». И ещё: создатели

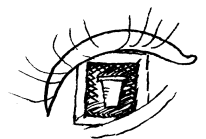

многочисленных шоу, театральных обзоров и песен, вошедших в программу праздника, не проявили ощутимого таланта и трудолюбия. Творцы праздника Москвы потрудились вполсилы, получили недурственные гонорары — и навсегда выпали из народной памяти. Заслуживающих внимания посланий «от сердца к сердцу» на деньги мэрии создано не было. Получился именно праздник феодалов, лишённый идеи уважения к *народу* и *труду*. Бесстыжий праздник. А наше общество настолько привыкло к этим ценностям, что без них любое благополучие воспринимается выморочным, ложным. Уверен, что в этом не слабость российского народа, но его сила. Гипотеза Зорина, связавшего финансовый крах 1998 года с несбывшимся шансом на утверждение новой государственности, представляется мне объективной. Когда в руках исследователя честное зеркало — это сразу видно читателю. Ведь и впрямь в одночасье вся риторика «молодых реформаторов», обещавших возрождение России под пёстрыми флагами либерализма, превратилась в разбитое корыто... И уже не только консерваторы, но и преобладающая часть общества осознала, что России необходимо движение в сторону огосударствления и коллективизма. Разумеется, интенсивность такого движения — величина непостоянная, и на этот счёт всегда будут разные мнения. Но после 1998 года идея всеобщего согласия на почве феодальных развлечений, полных прилавков и расправы над советскими памятниками из проблематичной превратилась в невозможную.

Вопрос политической ориентации молодых, ещё не наделённых всеми политическими правами, граждан России никогда не исчезал из учительской повестки дня. Он остро стоял в предреволюционные десятилетия. На него обращали внимание в детских организациях советского времени, когда школьная жизнь была политизирована сверх меры. Сегодня учителям чаще всего приходится иметь дело с двумя полярными проблемами политического свойства: с эгоистическим равнодушием

к судьбам своего народа и с чудовищным экстремизмом мыслей и действий. Виданное ли дело: в России, исконно многонациональной стране, стране, объединявшей народы, в стране, победившей фашизм, находятся молодые люди, отмечающие день рождения Гитлера как праздник... Это увлечение запретным плодом расовых учений возникло как реакция на уничтожение советских этических ценностей. Образ Великой Отечественной войны, священный для каждого из нас, в последнее десятилетие в основном преподносился в русле «журналистских расследований», всё поставивших с ног на голову. Оказывается, у нашей страны не было перед захватчиком морального превосходства, а победили мы только благодаря помощи благородных заокеанских союзников и ещё потому, что забросали немца трупами своих солдат... Отвратительный, бессовестный миф, который я считаю оскорблением памяти миллионов павших на этой войне — как солдат, так и мирных людей, подвергшихся варварскому смертоубийству. Военные потери сторон на советско-германском фронте соотносятся в пропорции 1:1,3. Это примерно равные потери, говорить о бездарном руководстве и безжалостном отношении к собственным солдатам не приходится. А огромная разница в людских потерях достигнута за счёт советских мирных жителей, погубленных в годы оккупации, погибших под обстрелами, в блокадном Ленинграде, во время карательных операций. Это сожжённые деревни, повешенные коммунисты, колхозные активисты, уничтоженные евреи, цыгане...

Осквернение советских святынь — прежде всего святынь фронтовых — стало идейным фундаментом для развития расовой нетерпимости в современной России. Вообще хотелось бы видеть в молодых политиках побольше доброты и благородства. Мелькают на телеэкранах молодые депутаты. Один такой кудреватый амур любит демонстрировать на сессиях цветастую модельную одежду. Что ж, в старинной песне пелось: «Можно галстук носить очень яркий — и быть

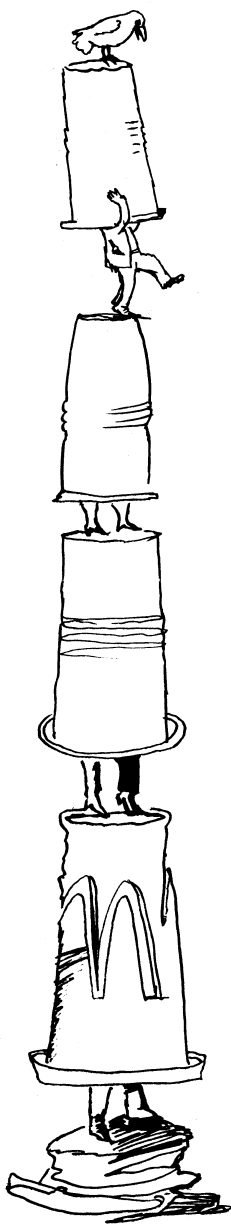
в шахте героем труда...» Только эти господа в труде не отличились. Парламент — это ареопаг уважаемых, много достигших в своей профессии людей, собравшихся в законодательном органе для исполнения своего гражданского долга. Молодость — это время для профессиональных достижений, а не для заседания в почётном президиуме. Смотрим мы на этих волнистых попугайчиков и думаем, что тридцатилетний депутат выглядит так же нелепо, как шестидесятилетняя жрица любви на Ленинградском шоссе. Кстати, должен заметить, что эта болезнь перешла к нам из советского прошлого, из комсомолии... Сегодня нередко вспоминают комсомольскую и пионерскую организации добрым словом. Действительно, эта традиция вступления «в ряды», исполнения правил, постижения определённой этики шла на пользу. И хороших дел — просветительских, антикриминальных — те организации делали немало. Но вот комсомольские функционеры... Так и вижу эти «правильные», во многом лицемерные речи молодых политиков, слишком рано познавших сладость пирога демагогии. Хорошо сказал о таких людях герой повести Павла Нилина «Жестокость» Веня Малышев: «Не люблю брехунов с пылающим взором». Представители современных молодёжных организаций наших партий и общественных движений — «Единая Россия», «Яблоко», СПС, КПРФ — на мой взгляд, смотрятся ещё ущербнее. Видишь себя в политике — занимайся делом на равных со всеми, а не в молодёжной резервации. Выступление какого-нибудь нынешнего тридцатилетнего партийного Митрофанушки в стиле «Я, как представитель молодёжи...» выглядит как жалкая потуга... Знакомый натужный энтузиазм мы видим и в деятельности организации «Идущие вместе». Почему-то наша доблестная пресса не заметила, что рядом с книгами скандального Сорокина доблестные «идущие» предлагали уничтожать и книги Карла Маркса... Ничего, кроме скепсиса, не вызвал и лозунг «идущих»: «Путин — наш президент, Данила — наш брат, Пли-

сецкая — наша легенда!» Любопытная триада — власть, бандитизм и балет.

2

Девяностые годы были для России временем постмодернизма, его однодневных ценностей. Символом этой системы можно считать пластиковый стаканчик. Его практические достоинства неоспоримы, но смысл в том, что в этот самый стаканчик было вложено немного труда, таланта и денег. Что же, если путь к одноразовому совершенству так лёгок, стоит ли идти тесными вратами учёности и праведных трудов? Легковесный стаканчик поколебал ту иерархию, на которой держалась цивилизация. Новому обществу и книги потребовались такие же одноразовые и легковесные. И песни. И принципы. Чем проще и экономичней — тем лучше. Но это — всего лишь риторическая цепочка. В российскую судьбу пресловутый постмодернизм вписался в годы тревожных колебаний вековых основ государственности. И здесь необходима предыстория. Со времён Владимира Святого важнейшим руслом самоидентификации русского народа была православная культура. К 1917 году позиции православия в России ослабли (как и позиции всех основных религий в ведущих странах мира). Атеизм стал своего рода молодёжной субкультурой. Великая Отечественная сплотила огромную многонациональную державу — и в стране начался своеобразный диалог атеистической морали и православной духовности. С поразительной точностью уловил драматизм этого диалога поэт Борис Слуцкий. Есть у него стихотворение «Сельское кладбище», в конце восьмидесятых положенное на музыку и спетое талантливым музыкантом Андреем Мисиним.

На этом кладбище простом
Покрыты травкой молодой
И погребённый под крестом,
И упокоенный звездой.
Лежат, сомкнув бока могил,
И так в веках пребыть должны,

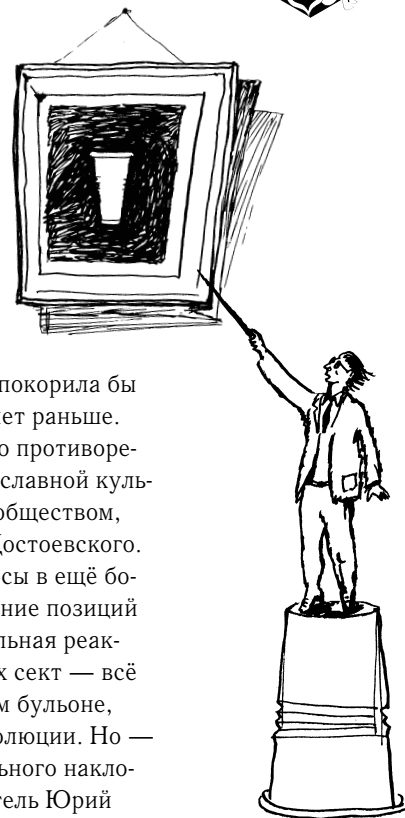

Кого раскол соединил,
Мировоззрения страны.
Как спорили звезда и крест —
Не согласились до сих пор.
Конечно, нет в России мест,
Где был доспорен этот спор.
Пока была душа жива,
Ревели эти голоса,
Теперь вокруг одна трава,
Теперь вокруг одни леса.

«Раскол мировоззрения страны» — явление сложное, связанное с разнородными историческими процессами. Наивно думать, что православие было потеснено в России исключительно декретами Совнаркома. XX век заставил миллионы людей поверить во всеислие науки, то есть — во всеислие человека. И вовсе не только Советский Союз был оплотом подобной идеологии. Советский коммунизм с его воинствующим безбожием первых лет существования страны и последующим креном в научный материализм был лишь одним из выражений «сумерек богов», нависших над миром. Заметим, что политика изоляционизма, которую проводили советские власти, привела к созданию в СССР одного из наиболее консервативных типов «образа жизни». Советский образ жизни означал романтическое отношение к труду, к долгу перед Родиной, к «простому человеку». Все эти максимы были куда ближе к традиционной христианской этике, чем идеология свободной конкуренции с сексуальной и гомосексуальной революцией в придачу. И в этом мы видим не слабость, а, напротив, достоинство советской культуры. Ведь и «сумерки богов» не вечны. Всё пройдёт, перемелется, и человечество ещё не раз будет возвращаться к фундаментальным ценностям мировых религий. И очень наивны представления тех патриотов, которые верят, что, не приди большевики к власти в октябре 1917-го, мы бы сейчас жили в «святой Руси» — некоем подобии затонувшего Китежа. Испания, Австро-Венгрия, Турция в начале XX века находились в условиях, аналогичных российским. И что же? Липовый мёд коммерции

там восторжествовал над всеми традициями. У нас нет оснований считать, что в России, которая до большевиков на всех парах интегрировалась в систему мирового капитала, нашлись бы идейные ресурсы для автономного, своеобразного развития.

Скорее всего, группа «Тату» покорила бы мировые сцены на двадцать лет раньше. Конечно, я сгущаю краски, но противоречия, возникшие между православной культурой и капиталистическим обществом, были очевидны ещё героям Достоевского. А XX век поставил эти вопросы в ещё более острой форме. И укрепление позиций материализма, и, как радикальная реакция, появление тоталитарных сект — всё это варилось бы в российском бульоне, не случись Октябрьской революции. Но — история не имеет сослагательного наклонения, хотя наш автор, писатель Юрий Вронский, в «Литературной газете» опроверг этот афоризм как ходячую пошлость. В культуре советского периода мы находим немало примеров скрытой религиозности, влияния православной традиции, а также трансформации духовных мотивов вне церковного контекста. Мы уже писали об особом отношении к духовности у С.В. Образцова, С.В. Михалкова, В.А. Сухомлинского (см.: Народное образование. 2003. № 1, 2, 9). Вера в чудо, в высокое предназначение человеческой души характерна и для Виктора Сергеевича Розова — драматурга, писателя, чей голос ещё в шестидесятые годы был хорошо знаком читателям «Народного образования». В своих воспоминаниях (включённых в пьесу «Четыре капли») В.С. Розов пишет о своём тяжёлом фронтовом ранении. На операционном столе он уже дал согласие на ампутацию ноги, но, очнувшись после наркоза, увидел спасённую ногу в гипсе. На вопрос медсестры «Что бы вы хотели съесть?» «полумёртвый солдат, давно вообще ничего не евший, полусерьёзно сказал: «Хочу пирожков с мя-

сом и компота». Розов пишет: «Тогда это звучало примерно так, если бы я в Москве, в декабре, когда на улице тридцать градусов мороза, попросил мне дать тарелку свежей садовой клубники. Можно это сделать? Вы засмеётесь и скажете: едва ли. А я возражу. В идеале можно, допустим, слетать на самолёте в Калифорнию и привезти. Там именно в эту пору, в декабре, на каком-то банкете я ел эти самые душистые ягоды». В беспокойном сне солдату виделся бой. А потом... «Проснулся я, наверное, часов через четырнадцать в светлой солнечной палате. У койки в белоснежном халате стояла та же самая Мария Ивановна, но сейчас у неё в руках была литровая банка с домашним компотом и тарелка с румяными, продолговатыми пирожками... А?! Это она успела за пробежавшие ночь и утро сварить компот и испечь пирожки. Самолёт летал в Калифорнию. Нет, дальше, выше, на самые небеса!»

Именно так. Совесть и участливость, жертвенная доброта — полёты человеческой души выше сверхзвуковой авиации. Этот закон не был секретом и для людей, живших в эпоху научного материализма...

3

Но продолжим об одноразовых стаканчиках и одинаковых бензоболонках от Эдинбурга до Сеула. Почти вся мировая цивилизация (за исключением, пожалуй, индуистов и ряда африканских народов) построена на осмыслении принципа жертвенности. На интересующем нас уровне это означает, что любой успех должен быть оплачен старанием и страданием. Чтобы выточить деталь, написать статью или преподать урок, нужно приложить усилия ума и сердца. Для апологетов постмодернизма всё это — пустая риторика, излишний пафос. Слово «пафос» произносится ими с непременным презрением, а самоотречение, одержимость воспринимаются как опасный фанатизм. Равнодушное общение, искусство без горения, интеллектуальные игры без высокой цели, с априорной верой в ничтожность человеческого предназначения. На первый взгляд пластмассовый стаканчик хорош: и стоит недорого, и выпускается в промышленных количествах. Вот и вышла в 1969 году статья Лесли Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы», возвестившая об идеологии постмодернизма. Эта программная статья, призывавшая к стиранию границ между городом элитарной культуры и деревней культуры массовой, была опубликована не где-нибудь, а в журнале «Плейбой». Заметим, что создатель «Плейбоя» Хью Хефнер всегда видел свою культуртрегерскую роль в пропаганде развесёлого, лёгкого образа жизни, лишённого драматических ощущений. Таким образом, сомнению подвергалась основа цивилизации, в которой ценность явления истари определялась размерами материальных, интеллектуальных и душевных усилий, затраченных на создание этого явления. Другой идеолог постмодернизма — Жан-Франсуа Лиотар — восставал против иерархии, рождённой веком Просвещения, веком строгих постулатов и веры в научный

прогресс. Тенденция к упрощению, война со «всеми и всяческими» авторитетами, привела к ослаблению творческой энергии. А без иерархии, без установок пресловутого века Просвещения теряется идея школы, любительщина подменяет профессионализм. Установка на «чужое слово», на ироническое использование уже существовавших решений в литературе, живописи, архитектуре, идеологии, по существу, является следствием упрощённого отношения к труду. Зачем, ломая голову, изобретать велосипед, если всё уже создано?.. Такая культура паразитирует на классическом наследии, безо всякого почтения используя чужие наработки, предварительно освободив их от всякого созидательного смысла.

Выглядит соблазнительным сравнение образцов «имитационной», насквозь пропитанной скрытыми пародийными цитатами литературы с классикой театра абсурда. Но, если приглядеться, становится очевидной принципиальная разница: там, где у Беккета и Ионеско за иррациональными диалогами и словесной тарабарщиной проступает ощущение трагедии — у наших постмодернистов выглядывает только снобистская ухмылка. С одной стороны — сердечное напряжение, с другой — обычная игра обленившихся интеллектуалов, вроде дачного лото. Декоративные хлопоты «без божества, без вдохновенья». Борьба с прагматизмом, доведённая до крайности, породила гомункулуса, который равнодушен к собственному труду, к традиционным ценностям, лишён целеустремлённости, лишён установки на успешную самореализацию. Человек-растение. Человек, капитулировавший перед собственной природой и перед сложной системой цивилизации. Такого человека сформировала идеология постмодернизма. Наше счастье, что он существует только в мечтах теоретиков да в маргинальных богемных гетто, а не то солоно бы нам пришлось.

Самое грустное следствие эстетики «одноразовых стаканчиков» — это изживание профессионализма. Оказывается, новости дня следует читать не поставленным

сочным голосом, а кривляющейся интонацией дворового повесы, с ужимками и псевдоамериканской интонацией. Уважение к своей профессии, к публике — это понятия устаревшие. Главное — излить на потребителя свой «нарратив», не заботясь о качестве подачи. Наверное, это крайнее проявление индивидуализма — когда на улице драка, а милиционеру всё равно, когда певец не научен петь и наряжен, как будто мусор выносить собрался, — и ему всё равно. Всё равно и некуда стремиться. Америка уже открыта, новейшая техника готова исполнить любую нашу прихоть — и тепло человеческого таланта уже не требуется, оно кажется излишним. Стремление к настоящему успеху постыдно, достаточно обеспечить себе сносную жизнь и не забивать голову разными сложностями. Такая вот невзыскательная философия. Культура, основанная на ироническом самоповторе, на промышленном тиражировании любительских поделок, не стремится к созданию высоких образцов. Здесь нужно говорить о нигилизме, об усталости от цивилизации, но не о серьёзных достижениях. Признаться, я не чувствую эстетического умиления, когда косноязычие выдают за откровение, а имитацию творчества — за новое слово в искусстве. Что же из этого следует — очередной конец истории? Перекрёсток, после которого цивилизация «пойдёт другим путём»? Думаю, что новый декаданс, сумеречное время, на этот раз не совпавшее с расцветом культуры, пройдёт. Уже проходит. В ближайшем будущем прагматическое и романтическое начала будут сбалансированы иначе. Законы, установленные мыслителями века Просвещения, никуда не денутся: они «всесильны, потому что верны». Меняются времена года, по кругу проходят веяния моды, но благородное предназначение человека, рождённого для учёбы и труда, актуально в любую погоду.

4

В наших беседах мы попытались затронуть ряд животрепещущих вопросов «при-

кладной идеологии». Не стоит обольщаться, что мы нашли кратчайший выход из лабиринта. Но и исторический скептицизм иллюзорен.

Конечно, мы пристрастны к собственной стране, к её культуре. Судьба каждого из нас тесно переплетена с народной судьбой. И нередко остро-эмоциональное восприятие действительности мешает нам быть оптимистами. Двенадцать лет назад мы пережили десятибалльное революционное потрясение. Изменился статус страны, в воздухе витают пораженческие настроения. Как говорят в Китае, волчий помёт горит с четырёх сторон. В России вторят: беда не приходит одна. Пространство современной России не превратилось в единое и обжитое, не обрело высокого смысла, осознанного большей частью сограждан. Всё это больно осознавать. Но всё-таки Россия живёт. И своим неистребимым терпением посрамляет пессимистов, даже самых благонамеренных.

Не случайно в нашей стране так популярно сказание о птице Фениксе. Да и метафорика русской игрушки учит нас терпению, учит тому, что народные силы неисчерпаемы. В каждой матрёшке спрятана следующая матрёшка. Ванька-встанька упрям и непобедим. Нет сомнений, что наша страна поднимется, разогнётся, объединив народы Евразии. Памятны слова Льва Гумилёва: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава». В истории народов не бывает необратимых тупиков. Всё поправимо. Наиболее болезненны промахи в образовании и воспитании. Регулировать образовательный климат общества нелегко: это хлопотный и многолетний процесс.

Поэтому необходимо, чтобы весь наш опыт обогащал работу педагога новыми оттенками. И горечь, и надежды, связанные с судьбами Родины, нужно переплавить в неотразимый инструмент, с которым педагогу будет легче ориентироваться в пространствах идеологии.

Москва

